

УДК: 821.161.1

КРЫМСКИЕ СТРАДАНИЯ И КРЫМСКИЙ ЦИКЛ ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО

Мешков Валерий Алексеевич,

*кандидат технических наук, член Союза журналистов России,
член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел»
(РФ, Республика Крым, г. Евпатория),
e-mail: M25V02A1948@yandex.ru*

В статье анализируется пребывание И. Ф. Анненского в Крыму, маршрут его передвижений по полуострову. Несмотря на серьезные болезни, преследовавшие поэта в Крыму, можно только удивиться творческой силе его поэтического таланта, как видно не покидавшего его в самые трудные моменты жизни. Крым не раз вдохновлял самых известных поэтов, и «крымский цикл» Иннокентия Анненского – еще одно подтверждение этой закономерности.

Ключевые слова: *И. Ф. Анненский, Кривич, Саки, Крым, Чехов, Евпатория, грязелечение, Ялта, И. Н. Альтикуллер, С. Я. Елпатьевский, Симферополь, «Трилистник тоски».*

*Когда б вы знали, из какого сора,
Растут стихи, не ведая стыда.
А. Ахматова.
«Тайны ремесла»*

Хотя всю свою трудовую жизнь И. Ф. Анненский (1855–1909) отдал ниве образования, это был также блестяще образованный переводчик, драматург, литературный критик и замечательный поэт. Его поэзия сочетала русские классические традиции Пушкина, Тютчева, Баратынского с европейской культурой. По мнению исследователей, как взыскательный и утончённый мастер, он оказал влияние на целую плеяду русских поэтов – от Ахматовой, Гумилева, Маяковского, Пастернака до поэтов нашего времени, таких как А. Тарковский, А. Кушнер, Ю. Мориц и др.

Крымские страницы его творческого наследия возникли в связи с поездкой для лечения на курорте Саки в 1904 году. Об обстоятельствах

болезни Анненского оставил воспоминания его сын Валентин (как поэт и литератор имел псевдоним Кривич):

«Зимой 1904 г. ко всем <...> обычным хворостям отца прибавилось еще – нечто совершенно странное: у него начались мучительные боли в плечевом суставе левой руки. Самые разнородные специалисты не только не могли оказать никакой мало-мальски существенной помощи, но даже толком не могли определить болезнь. <...>

Был сделан рентгеновский снимок – и на нем, где-то в области болевого центра, оказалось обозначенным темное пятнышко. Явилось предположение туберкулеза кости. <...>

В конце концов было решено лечение Сакскими грязями, и летом отец с матерью, взяв с собой, конечно, и неразлучного Арефу, уехали в Саки» [3].

В то время И. Ф. Анненский был директором Царскосельской Николаевской гимназии, имел чин действительного статского советника, что соответствовало генеральскому званию. В быту, по рассказам сына, он был человеком непрактичным, рассеянным, и помощь слуги Арефы, за много лет ставшего почти полноправным членом семьи, ему была просто необходима. Но и это не спасло от неприятностей, ожидавших Иннокентия Федоровича в Крыму.

Вновь обратимся к воспоминаниям сына. У В. Кривича имеются несколько строк о событиях в Саках:

«Здесь, пока лечили его руку, – пришла новая беда: отец заболел дизентерией и притом в очень тяжелой форме, а попутно, кажется, опять сделалось какое-то обострение и в плече. В условиях Сакской жизни оставаться было невозможно, и отца почти в безнадежном состоянии перевезли в Ялту» [3].

Удивительно, но эти строки до сего времени не вызвали удивления как у маститых литературоведов Р. Д. Тименчика и А. В. Лаврова, публиковавших воспоминания Кривича, так и других исследователей жизни и творчества поэта. Как и по какой причине человека в «почти безна-

В. Кривич, студент

дежном состоянии» необходимо было отправлять из курорта Саки, где были две грязелечебницы и опытные врачи, именно в Ялту? И каким способом? По морю или по суше?

К тому же ничем выдающимся в медицинском смысле Ялта не превосходила другие города Крыма. Гораздо логичнее выглядела бы транспортировка больного в Евпаторийскую земскую или городскую больницы (19 верст), или в аналогичные больницы в Симферополе (44 версты).

Для ответов на возникшие вопросы необходимы дополнительные сведения, и ими оказались не только письма и стихи Анненского, но и путеводители по Крыму того времени.

Из известного путеводителя Безчинского (1902) узнаем, что житель Царского Села мог отправиться в Саки, сев на поезд, который шел в Крым по маршруту Петербург – Москва – Курск – Харьков – Лозовая – Симферополь – Севастополь. Понятно, что Анненский со спутниками сошли в Симферополе, куда поезд прибывал в 7 ч. 43 мин. утром. К поезду было приурочено расписание транспортных средств для проезда в различные места Крыма. За три-четыре часа, т.е. к обеду, приезжие могли добраться в Саки на конном транспорте. При этом неожиданно узнаем, что проезд в коляске «по нешоссированной дороге» (а другой и не было) до Саки составлял 10-15 рублей, до Евпатории – 15-22 рубля. И это при том, что самый дорогой ж.д. билет из Петербурга в спальных вагонах «международного образца» стоил 12 рублей, а плацкарта – 4р.50 к.

Курс грязелечения, как сообщалось в путеводителях, обычно длился четыре недели. Оплата (150-300 руб.) производилась до начала лечения. При Сакской грязелечебнице имелась гостиница для пациентов. Если верить Кривичу, то его отец, не окончив курс лечения, тяжелобольным был отправлен в Ялту. Однако никаких дат в воспоминаниях сына не приводится, и нельзя понять, когда и каким маршрутом Анненский мог оказаться в Ялте.

К счастью, сохранились документы, опровергающие эту небывлицу. Как ни странно, но это письмо Анненского именно сыну, датированное «20 июля, Саки»:

«Милый мой Валюша,

Тебе пишу первые мои строки после болезни. Слаб еще, как куренок, двигаюсь, как испорченный «мороженщик», однако, кажется, выздоравливаю. Благодарю тебя, моего милого и неоцененного, за твои письма. Если в моей грязной и тяжелой хворобе были минуты чистые и легкие, так это когда мама читала мне твои письма: мама при этом пла-

И. Ф. Анненский

кала, а я умилялся, как ты нас любишь. Жить здесь мне очень хорошо, но мечтаю уехать поскорее, надоел вид из окна» [2].

Отсюда следует, что воспоминания сына, составляемые им через много лет после этих событий, требуют корректировки. Во-первых, «грязную и тяжелую» дизентерию Анненский перенес в Саках, и к 20 июля уже выздоравливал. Во-вторых, это позволяет заключить, что в Саки Анненский прибыл в конце июня или начале июля. Подтверждение имеем из следующего письма поэта Е. М. Мухиной, датированного «1 августа, Саки»:

«Я очень рад, что приобрел уже настолько сил, что могу поблагодарить Вас за Ваше доброе участие к ниспосланному мне *memento mori*. Я еще и до сих пор не вполне уверен, что опасность миновала, так как болезненный процесс, по-видимому, далеко не миновал еще.

Своим спасением я обязан не только уходу, но самоотвержению Дины Валентиновны¹. Будь я на руках людей неблизких мне, я бы, наверно, умер.

Кроме мучительных воспоминаний, болезнь оставила мне и интересные. Я пережил дивный день действительно великолепного бреда, который, в отличие от обычной нескладицы снов, отличался у меня

*Н. В. Анненская,
жена поэта*

удивительной стройностью сочетаний и ритмичностью. Между прочим, все мои, даже беглые, мысли являлись в ритмах и богатейших рифмах, и странно, что это шло периодами: сначала один размер, потом другой, легкость в подборе сочетаний была прямо феноменальная, хотя, конечно, их содержание было верхом банальности. Но вот мучительная ночь была, это – чеховская, когда я узнал о смерти этого писателя (Чехов умер 2 июля 1904 года. – В. М.). Всю ночь меня преследовали картины окрестностей Таганрога (которых я никогда не видал). Туманная низина, болотные испарения, мокрые черные кусты, и будто рождается душа поэта, и будто она отка-

зывается от бытия, хочет, чтобы ее оставили не быть... Тяжкая была ночь...» [2]

Если бы 4-5 июля Анненский еще был в Петербурге, то о смерти Чехова он знал бы еще до приезда в Саки. Но из письма следует, что он узнал об этом именно в Саках во время тяжелой болезни, когда и сам был близок к смерти. Отметим, что и в такой критической ситуации творческие, поэтические мысли не оставляли Анненского.

Дальнейшие подробности его жизни в Саках узнаем из другого письма сыну, также датированному «1 августа, Саки»:

«Пишу тебе за маму, которая суегилась вчера своей поездкой в Евпаторию (20 верст отсюда, на море), а сегодня будто немножко устала. <...>

Мое здоровье очень еще неважно. Пленки не прекращаются, хотя поноса уже нет. Сил мало, краски не возвращаются: словом, торжество далеко не полное. Ем я мало, аппетита нет. Скверно, что не выбраться из постылых Сак. Между тем мама в восторге от Евпаторийского моря и пляжа и приехала вчера, точно пьяная, от восхищения, и такая свежая и помолодевшая, что ее было не узнать. Теперь спорим, оставаться ли здесь или ехать в Евпаторию, до южного берега. Сегодня меня доктора везут для пробы за 5 верст на берег моря» [2].

Следует заметить, что в письмах поэта о каком-либо «обострении в плече» речь не идет.

Между тем и в дальнейшем о «болезни плечевого сустава» в воспоминаниях сына ничего нет, что заставляет полагать об излечении этого недуга именно сакскими грязями. На фоне других болезней и несчастий, а затем событий 1905-1906 гг., об этом Кривич просто забыл.

Отзвук происходившего обнаруживается в стихотворении, судя по содержанию, созданном Анненским еще в Саках, в момент отъезда с этого курорта.

*Бледнеет даль. Уж вот он – день разлуки,
Я свал его, а сердцу все грустней...
Что видел здесь я, кроме зла и муки?
Но все простил я тихости теней.*

*Все небесам в холодном их разливе,
Лазури их прозрачной, как недуг,
И той меж ив седой и чахлой иве –
Товарищам непоправимых мук.*

*И грустно мне, не потому, что беден
Наш пыльный сад, что выжжены листья,
Что вечер здесь так утомленно бледен,
Так мертвы безуханные цветы.*

*А потому, что море плещет с шумом,
И синевой бездонны небеса,
Что будет там моим закатным думам
Невозмогу их властная краса...
На северном берегу*

(1904) [1]

В этом произведении явственно проступает крымский, сакский пейзаж того времени. Берег Черного моря около Евпатории обращен к

*Саки. Главная улица.
Открытка начала XX века*

югу, сакский берег моря – к западу и юго-западу, но оказывается, грязелечебница располагалась на северном берегу озера Саки.

Поэтому становится понятно, что Анненский излечился от дизентерии в Саках, там же завершил грязелечение, и после этого с женой отправился в Евпаторию. Такой маршрут был вполне логичен, после грязелечения всегда прописывались морские купания для дальнейшего долечивания. Тем более, как мы видели из письма, в Евпатории очень понравилось жене поэта. Евпаторийские пляжи уже тогда слави-

лись на всю Россию. К тому же из Евпатории можно было пароходом вполне комфортабельно (по сравнению с конным транспортом) отправиться в Севастополь, и далее в Ялту.

Хотя прямого подтверждения нет, но имеются крымские стихотворения, в которых угадывается совсем другое настроение по сравнению с жизнью в Саках. Это «Солнечный сонет» и еще одно, вполне соответствующие ощущениям «северного» человека в Евпатории:

*В ароматном краю в этот день голубой
Песня близко: и дразнит, и вьется;
Но о том не спую, чтт мне шепчет прибой,
Чтт вокруг и цветет, и смеется.
Я не трону весны – я цветы берегу,
Мотылькам сберегаю их пыль я,
Миг покоя волны на морском берегу
И ладьям их далекие крылья.
А еще потому, что в сияньи сильней
И люблю я сильнее в разлуке
Полусвет-полутьму наших северных дней,
Недосказанность песни и муки...*

(1904) [1]

Резонно полагать, что неделю-две в августе Анненский еще был в Саках, потом дней 5-10 провел в Евпатории, а далее отправился в морское путешествие. Обращаясь к путеводителю РОПиТ (Русское Общество Пароходства и Торговли) 1905 года издания, мы узнаем, что существовало регулярное пароходное пассажирское и почтовое сообщение по маршруту Одесса-Евпатория-Севастополь-Ялта и обратно. Из Евпатории пароходы уходили утром, в 2 часа дня были в Севастополе, а в 9 вечера – в Ялте. Не говоря о том, насколько приятнее летом плыть по морю, чем ехать по пыльным дорогам, это и стоило во много раз дешевле. Пассажирам I класса от Евпатории до Севастополя поездка обходилась в 3р.20к., от Севастополя до Ялты – 3р.15к.

О посещении Севастополя свидетельствуют и тематически связанные стихотворения, сохранившиеся в архиве поэта. Это «Сирень на камне», и еще одно, где Севастополь указан в автографе явно:

*Волны тяжки и свинцовы,
Кажет темным белый камень,
И кует земле оковы
Позабитый небом пламень.*

*Облака повисли с высей,
Помутнелы – ослабелы,
Точно кисти в кипарисе
Над могилой сизо-белы.*

*Воздух мягкий, но без силы,
Ели, мишстые каменя...
Это братские могилы,
И полней уж нет забвенья.
«Братские могилы».*

Севастополь (1904) [1]

Но даже это морское путешествие оказалось не по силам недостаточно восстановившемуся организму Анненского, и в Ялту он прибыл с очередной болезнью. Судя по сохранившемуся письму к А. Ф. Кони, датированному «1 сентября, Ялта», это произошло в конце августа:

«Только вчера сын привёз мне сюда, в Ялту, где я выношу третью болезнь в этом сезоне – плеврит, и лежу привинченный к постели слабостью и докторами, – Ваше любезное и лестное для меня приветствие, которое меня очень тронуло и вместе с тем обрадовало.

Хочу жить, чтоб получать такие милые письма от людей, близких мне по духу, и которыми я горжусь наравне со всей Россией.

Живу в Ялте, куда перед смертью всё стремился Чехов. Неужели, многоуважаемый Анатолий Фёдорович, Вы не дадите нам художественного анализа творчества покойного поэта? Его нежные матовые краски ждут того, чтоб Вы их очертили Вашим тонким критическим пером» [2].

Известно, что плеврит ничего общего с дизентерией не имеет, и как отмечается Анненским, это была «*третья болезнь*» за тот год. Из медицины известно, что плевра – серозная оболочка, покрывающая легкие и стенки грудной полости, а плеврит – воспаление плевры. Различают две основные формы плеврита: сухой и экссудативный (выпотный). В первом случае болезнь протекает без повышения температуры и заканчивается выздоровлением в течение нескольких дней.

К несчастью, у Анненского была вторая, тяжелая форма болезни, только в этом случае требуется постельный режим. Болезнь сопровождается значительным повышением температуры, требует непростого лечения и может давать осложнения. О том, что состояние Анненского в Ялте было гораздо тяжелее, чем при болезни в Саках, говорит то, что

письмо к Кони написано рукой его жены, сам он не имел сил даже на это!

В то же время письма из сакского курорта являются автографами поэта. Это еще раз подтверждает, что воспоминания В. Кривича в этой части не соответствуют действительности, поэта не могли отправить в Ялту «почти в безнадежном состоянии», да еще с дизентерией. Становится ясно, что после лечения в Саках и Евпатории (?) он отправился в дорогу в удовлетворительном состоянии, а заболел по пути в Ялту.

В Ялте он действительно долго лечился, но уже от плеврита, что в обиходе называется воспалением легких. Скорее всего, болезнь стала результатом воздействия морского путешествия на ослабевший организм человека, впервые попавшего в такие условия.

Подтверждение мы находим в последнем из известных писем Анненского из Крыма. Оно датировано «16 сентября, Ялта» и адресовано супругам Мухиным, друзьям поэта из Царского Села:

«Уже не контрабандою, а со «святости письменного стола», пишу я Вам это письмо. Я поправляюсь, и на этот раз, кажется, уже без зародыша нового недуга. Температура выровнялась, и если бы не два мои полюса – ноги и голова, то я был бы близок к прежнему состоянию. Только Вы теперь меня бы, пожалуй, не узнали: еще в Саках я имел глупость в несколько особенно тяжёлых дней поседеть, а здесь, в Ялте, меня гладко выстригли, что не придаёт особой выразительности моим чертам. Но довольно о себе...».

Что касается Кривича, то о своем приезде в Крым он сообщает следующее:

«Осенью я уехал в Ялту, а за эти два дня моего пути в болезни отца произошел окончательный перелом, и первые слова, кот<орые> я услышал по приезде, это были о том, что опасность окончательно миновала» [3]. Как видно, он или не разобрался в болезнях отца, или забыл, какие и когда были болезни. Из письма к Кони следует, что Кривич приехал в самом конце августа, но почему-то в его памяти осталась только дизентерия, и о плеврите он запомнил.

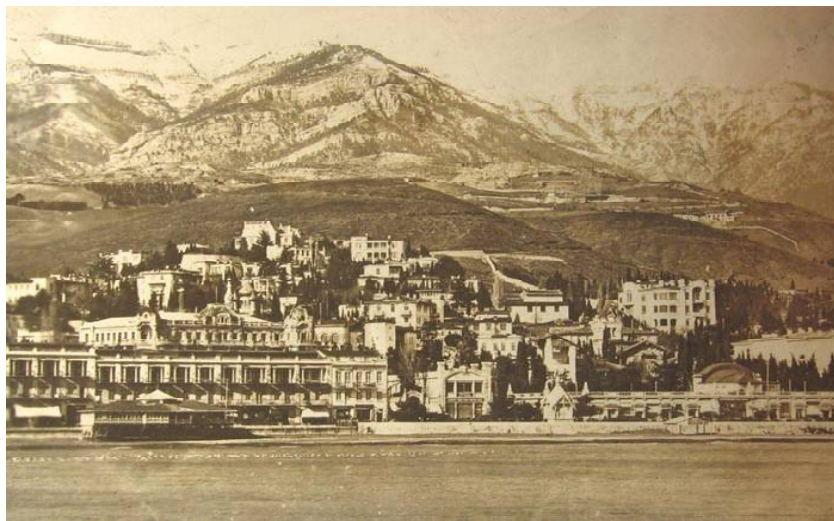
Все же, вероятно, впечатления о состоянии отца, сохранившиеся у Кривича от ялтинского периода, и чему он был свидетелем, заслуживают большего доверия:

«Отца я буквально почти не узнал, до такой степени болезнь высосала его. Это был совсем какой-то другой человек. В особенности жалок он был, когда его, закутанного, в кресле выносили на балкон. На ярком солнце балкона сидел какой-то мертвенно-худой и мертвенно-бледный юноша, – да, он именно тогда казался юношей, – наголо выстриженный и с непривычной, тоже какой-то юной бородой.

Тут в тишине, почти ничего не говорящий от слабости, обложенный подушками, почти целый день сидел отец, устремив глаза в дымную пелену моря, а мы сидели рядом и все еще не могли поверить, глядя на его мертвенно-бледное, исхудавшее чужое лицо, казавшееся еще более мертвенным на белом фоне подушки и при ярком солнце, что опасность уже миновала.

Но врачи – С. Я. Елпатьевский и Аль<т>шуллер, продолжавшие ежедневно посещать его, уже стали говорить громко, они уже подходили к креслу отца со спокойными лицами и шуткой на губах, а чудодейственное крымское солнце быстро и неуклонно делало свое животворящее дело, наливая свежей силой и новой кровью исхудавшее тело» [3].

Сергей Яковлевич Елпатьевский (1854–1933) являлся заметной фигурой в общественной и литературной жизни того времени. Видимо, Ялта не случайно была избрана И. Ф. Анненским для посещения, как и

Ялта начала XX века.

В центре – дом С. Я. Елпатьевского

не случайно то, что лечение проходило в доме Елпатьевского. Сергей Яковлевич близко знал его старшего брата, Николая Федоровича Анненского (1843–1912) по совместной оппозиционной деятельности против самодержавия.

После смерти Николая Федоровича, Елпатьевский впервые обнаружил утверждение о родстве Анненских с Пушкиными: «...когда я

видел эту напряженную во всех проявлениях духа жизнь, его страстные речи, его веселость и радость жизни, слышал остроты и эпиграммы, сыпавшиеся как блестящие искры, я невольно вспоминал, что бабушка его была Ганнибал и мне казалось, что в нем бурлит пенящаяся горячая пушкинская кровь» [5]. Документально это до сих пор не доказано.

Доктор Исаак Наумович Альтшуллер (1870-1943), как и Елпатьевский, был знаком с Чеховым и считался его лечащим врачом. Оба оставили воспоминания о своем общении с самым известным жителем Ялты того времени. Так что в Ялте по выздоровлении И. Ф. Анненский оказался в близкой ему литературной среде, и неудивительно, что и там, как вспоминал Кривич, при первой возможности возвратился к творчеству:

«Вот уже в желтых руках появился карандаш, а там, смотришь, Арефа уже прилаживает к креслу какой-то столик для писанья... А еще немного спустя отец еще слабым, но уже так знакомо вибрирующим голосом читает нам новые стихотворения.

Очень скоро по вызову матери к ним в Ялту приехали погостить сначала одна *belle-fille* с ребенком из Манчжурии, потом другая – с двумя детьми из Смоленской губ<ернии>, была поднята еще кухарка. В просторной и уютной квартире нашей зазвенели детские голоса и зазвучал рояль, в каменную калитку приветливо закивали смуглые рожи неожиданно оказавшихся хроническими поставщиками татар-торговцев с виноградом, грушами, чадрами, палками, раковинами и прочей ялтинской дрянью.

Повеселевший, помолодевший, уже снова, как обычно, прибранный и пахнувший своей любимой хинной водой и снова втиснувшийся в свои излюбленные крахмальные воротники, отец стал каждый день затевать для увеселения невесток и внуков разные прогулки и катанья – одним словом, загорелась та столь свойственная нашему дому шумная и легкая и немного безалаберная жизнь» [3].

Как и ранее, никаких дат в воспоминаниях Кривича не приводится. Не сообщает он, какие именно стихи были написаны тогда. Однако из контекста можно понять, что пребывание в Ялте было достаточно долгим, вероятно до конца октября.

К этому ялтинскому периоду явно относятся произведения «Ореанда», «Кек-уок на цимбалах» и «Тоска мимолетности», заставляющее вспомнить стихотворение «Тоска белого камня».

Дата возвращения Анненских в Петербург также неизвестна, но об обратном маршруте можно сделать некоторые выводы. Если бы при-

чиной плеврита не было б морское путешествие, то вполне логичным было бы отправиться из Ялты морем в Севастополь, откуда прямые поезда шли на Петербург.

Но перед отъездом поэт создает стихотворение «*Чёрное море*» (1904), где прощается с морем, которое едва не стало для него роковым.

*Простимся, море... В путь пора.
И ты не то уж: всё короче
Твои жемчужные утра,
Длинней тоскующие ночи,
Всё дольше тает твой туман,
Где всё белей и выше гребни,
Но далее красочный обман
Не будет, он уж был волшебней.
И тщетно вихри по тебе
Роятся с яростью звериной,
Всё безучастней к их борьбе
Твои тяжёлые глубины.
Тоска ли там или любовь,
Но бурям чуждые безмолвны,
И к нам из емких берегов
Уйти твои не властны волны.
Суровым отблеском ножа
Сверкнешь ли, пеной обдавая, –
Нет! Ты не символ мятежа,
Ты – Смерти чаша пировая.*

[1].

Отсюда можно понять, что не пребывание в Саках, не дизентерия, а именно море – «*Смерти чаша пировая*», стало причиной другой тяжелой болезни, когда поэт снова испытал близость смерти. Ведь известно много случаев смертей от воспаления легких, особенно людей с ослабленным здоровьем. Поэтому вторично на морское путешествие семья Анненских не решилась. Они предпочли более утомительное, но видимо, для поэта более безопасное путешествие конным транспортом до Симферополя.

Факт пребывания в столице Крыма поэт отметил произведением «*Тоска белого камня*» (Симферополь, 1904), впоследствии включенным в знаменитый посмертно вышедший сборник «*Кипарисовый ларец*» (1910) в раздел «*Трилистник тоски*».

Но этот сборник составлялся В. Кривичем уже после смерти отца, и много позже Р. Тименчик обнаружил, что существуют расхождения с тем содержанием, что планировал сам И. Анненский. Не вдаваясь в полный анализ расхождений, отметим только, что у Кривича из сборника исчез «Трилистник крымский», состоящий из стихотворений «На северном берегу», «Черное море» и «Ореанда». По мнению Тименчика, и здесь Кривич допустил оплошность, он спешил к срокам издателя и просто забыл о существовании авторского плана, впоследствии найденном в его архиве. Так в сборнике осталось всего три «крымских» стихотворения, а по плану автора их было бы вдвое больше.

Однако, на наш взгляд, имеются все основания, чтобы выделить в творчестве Анненского весь «крымский цикл». При этом вполне логично сопоставить его крымскому маршруту Анненского, который является замкнутым, т.е. тоже образует «цикл»: Симферополь-Саки-Евпатория-Севастополь-Ялта-Симферополь. Каждому городу можно сопоставить одно или несколько стихотворений. Это «С кровати», «На северном берегу» (Саки); «Солнечный сонет», «В ароматном краю...» (Евпатория); «Сирень на камне», «Братские могилы» (Севастополь); «Кек-уок на цимбалах», «Ореанда», «Черное море», «Тоска мимолетности» (Ялта); «Тоска белого камня» (Симферополь). Видимо, имеются и еще стихи, которые принадлежат «крымскому циклу». Например, что-то крымское ощущается в стихотворении «Из окна» (Ялта?). Действительно, о чем это произведение?

*За картой карта пали биты,
И сочтены ее часы,
Но, шелком палевым прикрыты,
Еще зовут ее красы...
И этот призрак пышноризый
Под солнцем вечно молодым
Глядит на горы глины сизой,
Похожей на застывший дым...*

[1].

Содержание стихов можно понять, если отнести время их создания к ялтинскому периоду и вспомнить, что огромный трехэтажный дом Елпатьевского (Чехов назвал его «Вологодской губернией») представлял собой не только дачу, но и санаторий для туберкулезных больных. Из окна поэт увидел красивую женщину: шансов на излечение у нее уже нет. Если обратиться к комментарию В. Кривича, то у него «Горы

глины сизой – пресловутая голубая глина, которой одно время были полны перерытые улицы Царского Села» [3]. Но цену воспоминаниям Кривича мы уже знаем: ну какие могут быть горы на «перерытых улицах»? Разве что кучи, небольшие горки... Да и «вечно молодое солнце» – явный атрибут Крыма, Ялты и отнюдь не Царского Села. Кривич отдавал предпочтение своему творчеству, небрежно относясь к отцовскому поэтическому наследию и его изданию, но никого к нему не допуская. Ахматова назвала его «сторожем при архиве Анненского». П. Лукницкий записал мнение Ахматовой: «В. Кривичу даже мысль в голову не пришла о том, что следует эти трилистники разбить и расположить стихотворения в хронологическом порядке, и только из уважения к памяти Анненского в примечаниях указать, что такое-то стихотворение было включено в такой то трилистник. А оставив такое расположение и не сумев установить даты стихов, В. Кривич совершенно лишил исследователей возможности изучать творчество Анненского» [4].

Мемуарную книгу о жизни отца он так и не написал.

Вспомнив, какие страдания довелось перенести Анненскому в Крыму, можно только удивиться творческой силе его поэтического таланта, как видно не покидавшего его в самые трудные моменты жизни. Крым не раз вдохновлял самых известных поэтов, и «крымский цикл» Иннокентия Анненского – еще одно подтверждение этой закономерности.

Поэта часто называли «певцом тоски», и неудивительно, что это чувство отразилось в его стихах при расставании с Крымом. Ведь он провел в Крыму четыре месяца, дважды был близок к смерти, но жажда творчества и радость бытия здесь победили. А впереди ждала сырая, сумрачная, холодная и тоскливая северная зима, рутинная служба и семейные тяготы.

К сожалению, больше в Крыму И. Ф. Анненскому побывать не пришлось. Ему оставались еще пять лет жизни. В 1904 году, как итог его поэтического творчества «до Крыма», был анонимно издан небольшой сборник стихов и переводов «Тихие песни». «После Крыма» его поэтический дар только расцветал, стихи шли потоком. Смерть поэта была гораздо возвышеннее, ему не суждено было погибнуть от дизентерии или воспаления легких. Он умер от остановки сердца на ступенях Царскосельского вокзала 30 ноября 1909 года, всего в 54 года. Незадолго до этого он подал в отставку, и уже были сделаны серьезные шаги, чтобы наконец-то стать профессиональным литератором, и открыто заявить о себе, как поэте.

Остается благодарить судьбу, все же позволившую Иннокентию Анненскому внести такой своеобразный и уникальный вклад в крымскую поэтическую летопись.

Примечание

¹ Надежда (Дина) Валентиновна (урожденная Хмара-Борщевская) – жена Анненского. Ей посвящено стихотворение «С кровати», имеющее подзаголовок «Моей garde-malade», т.е. «Сиделке» (фр.). Эту роль судя по всему ей пришлось взять на себя в Саках.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Избранные произведения И. Ф. Анненский. – Л.: Худ. лит., 1988.
2. Анненский И. Ф. Письма: в 2 т. Т. I. 1879-1905 / Сост., пред-е, коммент. и указатели А. И. Червякова / И. Ф. Анненский. – СПб.: Издский дом «Галина скрипит»; Изд-во имени Н. И. Новикова, 2007.
3. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях. Памятники культуры. Новые открытия. 1981. – Ленинград: «Наука», 1983.
4. Лукницкий П. Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т.1. 1924-1925 гг. – Paris, 1991. – (Запись от 10.12. 1925).
5. Русское богатство. – 1912. – X. – с. 363-377.

CRIMEAN SUFFERING AND CRIMEAN CYCLE INNOKENTY ANNENSKY

Meshkov Valeriy Alekseevich,

*Ph.D. of Engineering Sciences, member of the Russian Union of Journalists,
member of the editorial board of the newspaper «Crimean Affairs Review»
(Russia, Republic of Crimea, Evpatoria),
e-mail: M25V02A1948@yandex.ru*

The article analyzes the I. F. Annensky stay in the Crimea, his travel routes on the peninsula. Despite serious illness that stuck to the poet in the Crimea, one has nothing to do but be surprised by the creative power of his poetic talent that as it can be seen did not leave him in the most difficult moments of his life. Crimea is not just inspired by the most famous poets, and «Crimean cycle» Innocent Annensky - another confirmation of this pattern.

Keywords: *I.F. Annensky, Krivich, Saki, Crimea, Chekhov, Yevpatoriya, mudtreatment, Yalta, J.H. Altshuller, S.Y/ Elpat'evskii, Simferopol, «Shamrock anguish.»*

References

1. Annensky I.F. Selected Works / I.F. Annensky. Leningrad. 1988.
2. Annensky I.F. Letters: in 2 vols. Vol. I. 1879-1905 / Ed, comments. and pointers Chervyakova A.I. / I.F. Annensky. St. Petersburg. 2007.
3. Innokenty Annensky in unpublished memoirs. Cultural. New discoveries, 1981. Leningrad: «Nauka». 1983.

4. Luknitsky P.N. Acumiana. Meetings with Anna Akhmatova. V.1. 1924-1925 years. Paris, 1991.
5. Russian wealth. 1912. X. p. 363-377.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С кровати

(Моей garde-malade – Сиделке (фр.).)

*Просвет зелено-золотистый
С кусочком голубых небес –
Весь полный утра, весь душистый,
Мой сад – с подушки – точно лес.*

*И ароматы... и движенье,
И шум, и блеск, и красота –
Зеленый бал – воображенья
Едва рожденная мечта...*

*Я и не знал, что нынче снова
Там, за окном, веселый пир.
Ну, солнце, угощай больного,
Как напоило целый мир.*

Солнечный сонет

*Под стоны тяжкие метели
Я думал – ночи нет конца:
Таких порывов не терпели
Наш дуб и тополь месяца.*

*Но солнце брызнуло с постели
Снопом огня и багреца,
И вмиг у моря просветлели
Морщины древнего лица...*

*И пусть, как ночью, ветер рыщет,
И так же рвет, и так же свищет, -
Уж он не в гневе божество.*

*Кошмары ночи так далеки,
Что пыльный хищник на припеке –
Шалун – и больше ничего.*

<1904>

Сирень на камне

*Клубятся тучи сизоцветно.
Мой путь далек, мой путь уныл.
А даль так мутно-безответна
Из края серого могил.*

*Вот кем-то врезан крест замшелый
В плите надгробной, и, как тень,
Сквозь камень, Лазарь воскресенный,
Пробилась чахлая сирень.*

*Листы пожёлкли, обгорели...
То гнет ли неба, камня ль гнет, -
Но говорят, что и в апреле
Сирень могилы не цветет.*

*Да и зачем? Цветы так зыбки,
Так нежны в холоде плиты,
И лег бы тенью свет улыбки
На изможденные черты.*

*А в стражах бледного Эреба
Окаменело столько мук...
Роса, и та для них недуг,
И смерть их - голубое небо.*

*Уж вечер близко. И пути
Передо мной еще так много,
Но просто силы нет сойти
С замороженного порога.*

*И жизни ль дерзостный побег,
Плита ль пробитая жалка мне, -
Дрожат листья кустов-калек,
Темнее крест на старом камне.*

<1904>

Кэк-уок на цимбалах*

*Молоточков лапки цепки,
Да гвоздочков шапки крепки,
Что не раз их,
Пустоплясых,
Там позастревало.*

*Молоточки топотали,
Мимо точки попадали,
Что ни мах,
На струнах
Как и не бывало.*

*Пали звоны топотом, топотом,
Стали звоны ропотом, ропотом,
То сзываясь,
То срываясь,
То дробя кристалл.*

*В струнах, полных холода, холода,
Пели волны молодо, молодо,
И буруном
Гул по струнам
Следом пролетал.*

*С звуками кэк-уока,
Ожидая мокка,
Во мгновенье ока
Что мы не съедим...*

*И Махмет-Мамаям,
Ни зимой, ни маем
Нами не внимаем,
Он необходим.*

*Молоточков цепки лапки,
Да гвоздочков крепки шапки,
Что не раз их,
Пустоплясых,
Там позастревало.*

*Молоточки налетают,
Мало в точки попадают,
Мах да мах,
Жизни... ах,
Как и не бывало.*

<Осень 1904>

* Автограф в ЦГАЛИ, с вычеркнутыми после 2-й строфы двумя четверостишиями. Из примеч. В. Кривича: «Шутка была написана в Ялте, осенью 1904 г. Цимбалист играл в дневные часы на эстраде открытого ресторана в Городском саду». Кэк-уок – модный в начале XX века танец, заимствованный у американских негров. Махмет-Мамай – татарское имя.

Ореанда*

*Ни белой дерзостью палат на высотах
С орлами яркими в узорных воротах,
Ни женской прихотью арабских очертаний
Не мог бы сердца я лелеять неустанней.
Но в пятнах розовых по силуэтам скал
Напрасно я души, своей души искал...
Я с нею встретился в картинном запустеньи
Сгоревшего дворца - где нежное цветенье
Бежит по мрамору разбитых степеней,
Где в полдень старый сад печальней и темней,
А синие лучи струятся невозбранно
По блеклости панно и забытью фонтана.
Я будто чувствовал, что там ее найду,
С косматым лебедем играющей в пруду,
И что поделится мы ветхою скамьею
Близ корня дерева, что поднялся змеею,
Дорогой на скалу, где грезит крест литой
Над просветленную страданьем красотой.*

*Автограф в ЦГАЛИ. Ореанда – царское имение в Крыму; речь идет о развалинах дворца, сгоревшего в 1882 г.

Тоска мимолетности

*Бесследно канул день. Желтея, на балкон
Глядит туманный диск луны, еще бестенной,
И в безнадежности распахнутых окон,
Уже незрячие, тоскливо-белы стены.*

*Сейчас наступит ночь. Так черны облака...
Мне жаль последнего вечернего мгновенья:
Там все, что прожито, – желанье и тоска,
Там все, что близится, – унылость и забвенья.*

*Здесь вечер как мечта: и робок и летуч,
Но сердцу, где ни струн, ни слез, ни ароматов,
И где разорвано и слито столько туч...
Он как-то ближе розовых закатов.*

1904. Ялта

Тоска белого камня

*Камни млеют в истоме,
Люди залиты светом,
Есть ли города летом
Вид постыло-знакомей?*

*В трафарете готовом
Он - узор на посуде...
И не все ли равно вам:
Камни там или люди?*

*Сбита в белые камни
Нищетой бледнолицей,
Эта одурь была мне
Колыбелью-темницей.*

*Коль она не мелькает
Безотрадно и чадно,
Так, давя вас, смыкает,
И уходишь так жадно*

*В лиловатость отсветов
С высей бледно-безбрежных
На две цепи букетов
Возле плит белоснежных.*

*Так, устав от узора,
Я мечтой замираю
В белом глянце фарфора
С ободочком по краю.*

1904. Симферополь

